

позволяет Е. Шварц использовать тему смерти в качестве универсального подхода к проблематике как сопряженной с смертностью, так и отвлеченной (природа человека и самосознание, человеческая жестокость, самопожертвование, творчество и вдохновение).

В докладе Е. М. Захаровой (Москва) «„Исследователь сложных явлений жизни“: И. Б. Роднянская о художественной философии В. Макарина» предметом исследования стал сборник литературно-критических статей, посвященных творчеству А. Вампилова, А. Битова, О. Чухонцева, А. Кушнера и других писателей.

Е. И. Канарская (Нижний Новгород) в выступлении «Любовь и Смерть как смысловые доминанты творчества Н. В. Коляды и представителей „уральской“ школы драматургии» рассмотрела Любовь и Смерть как полярные категории, имеющие основополагающее значение для художественной системы автора и диалогически осмысляемые в творчестве представителей созданной им «уральской» школы драматургии.

Секция «Смерть и ее репрезентация» была открыта докладом Л. М. Пантелеевой «Еще раз о фольклорной эпитафии (на материале кладбищенских текстов Пермского края)», предлагающим новый взгляд на стилистическую типологию реальных стихотворных эпитафий.

Ю. С. Патронникова (Москва) в выступлении «Тема мнимой смерти в итальянских романах второй половины XIX в. (на примере текстов «Мой труп» (1852) Фрачческо Матриани и «Поцелуй покойницы» (1896) Каролины Инверниццо)» исследовала тему мнимой смерти и погребения заживо — элемент хорошо освоенной литературой XIX века поэтики макабрического.

В докладе «Тема смерти в дневниках и воспоминаниях художников Советской России, 1920-е гг.» Ю. С. Филина (Москва) предприняла попытку изучения субъективного восприятия и понимания феномена смерти художниками 1920-х годов.

Я. Д. Чечнев (Москва) в докладе «Танатология Константина Вагинова: от гибели культуры к гибели тела» проследил, как менялась смысловая нагрузка понятия «смерть» в творчестве писателя.

В выступлении «Литературный и философский аспекты „пляски смерти“ в творчестве А. В. Чайнова в контексте эпохи» Н. В. Михаленко (Москва) проследил, как сюжет «пляски смерти», широко распространенный в русской литературе 1900–1920-х годов, функционирует в творчестве писателя. В основе многих его произведений лежит сюжет «пляски смерти», организующий пространство текста как театральное действие.

М. А. Дударева (Москва) в докладе «Апофатическая реальность в стихотворении Д. Самойлова „Голоса за холмами“: мортальный подтекст» проанализировала апофатическую традицию в предпоследнем поэтическом сборнике Самойлова «Голоса за холмами» и одноименном стихотворении.

Работа конференции продемонстрировала многообразие подходов к взаимосвязи понятий жизни и смерти, конечного и бесконечного, земного и небесного, в том числе проблематике жизни и смерти в контексте военного времени, когда у человека появляется возможность кардинально переосмыслить свои жизненные ценности. В связи с этим сопоставление исторических документов и литературных текстов способствует более полному воссозданию картины жизни простых людей.

Тезисы выступлений были опубликованы в электронном журнале ИМЛИ РАН: Новые российские гуманитарные исследования. 2020. Т. 15. <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2020-15/materialy-ix-mezhdunarodnoy-konferentsiya-molodykh-uchenykh-i-aspirantov-zhizn-i-smert-v-literature/> (дата обращения: 30.04.2021).

© В. В. Пешкова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-268-276

АВВАКУМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума

С 28 по 30 сентября 2020 года в Пушкинском Доме состоялся Научно-культурный форум, посвященный 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума. Форум прошел в рамках XLIV Малышевских чтений при финансовой поддержке фонда «История Отечества».

Своеобразным эпиграфом к конференции явились пронзительные фрагменты Жития протопопа Аввакума в исполнении народного артиста Российской Федерации Игоря Скляра.

Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в докладе «Протопоп Аввакум: Между литературой

и жизнью» обратилась к истокам таланта писателя, поднявшегося в своих сочинениях на ту высоту, на которой «кончается искусство, и дышат почва и судьба» (Б. Пастернак). Исследовательница сосредоточилась на осмыслении форм проповеднической деятельности Аввакума, осуществлявшейся и в храме с амвона, и за его пределами в рамках свободной проповеди «слова Божия», и в письменных Поучениях (к ним он прибегал вынужденно, став узником земляной тюрьмы). В «Книге бесед» и особенно наглядно — в «Книге толкований» — Аввакум ис-

пользовал традиционные установки проповеди в жанре «поучения с амвона», сочетая их с ораторским полемическим задором и просторечными формами устной проповеди «на стогнах града». Просторечный стиль шел от привычной ориентации на устную речь, свойственной Аввакуму-проповеднику. Высокий же книжный отталкивался от предмета его проповедей, в основу которых так или иначе полагались тексты Священного Писания и гимнографических произведений. Отдельные фрагменты своего текста Аввакум оформлял как звучащую часть богослужения, преобразуя нарративный текст в воспринимаемое слухом литургическое слово.

Среди сочинений протопопа Аввакума обнаруживаются поэтические фрагменты, сложившиеся под влиянием литургической гимнографии и молитвословного стиха. А. М. Панченко открыл для науки тему «протопоп Аввакум — поэт», выявив в Житии три стихотворных фрагмента и предположив, что они, скорее всего, не единственные в его творческом наследии. Понырко подтвердила верность этой гипотезы, обратившись к тексту молитвы Аввакума о царе Алексее Михайловиче, помещенной в конце первого Поучения «Книги толкований».

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Протопоп Аввакум и „теория русского лада“ Алексея Ремизова» было рассмотрено влияние личности и литературного наследия писателя XVII века на формирование теоретических (историсофских, эстетических) взглядов и на развитие художественной практики классика русского авангарда XX века. «Теория русского лада» Ремизова основана на том положении, что стиль современного автора формируется в процессе усвоения литературным языком пластов народной речи, сохранившейся у ее живых носителей, в деловой письменности былых веков, в памятниках древнерусской литературы и в словарях. С 1920-х годов протопоп Аввакум стал для Ремизова ключевой фигурой в выстраиваемом им пантеоне русских писателей, начавших в XVII веке процесс восстановления связей между безымянным народным искусством и современным авторским творчеством. Аввакум явился для писателя также и «литературным учителем». В произведениях 1930–1950-х годов («Пляшущий демон», «Подстриженными глазами», «Учитель музыки», etc.) Ремизов применил в своей творческой практике аввакумовское соединение разговорного «вяканья» с высоким стилем.

Е. Г. Водолазкин (Санкт-Петербург) в докладе «Протопоп Аввакум и современный литературный процесс» сосредоточился на сравнении этих различных в эстетическом плане явлений. Цитатность — одна из точек их сближения, однако ее природа в средневековой и современной литературах неодинакова. Пересказ как способ инкорпорирования «чужого» текста характеризует литературу Нового времени (прежде всего постмодернизма). В Средневековье же речь по преимуществу идет о дословном включении «чужого» текста в авторский. Особенность сочинений протопопа Аввакума состоит в том, что значительное место в них за-

нимают источники, приводимые им по памяти. Когда говорят о цитатности и цитонности литературы постмодернизма, имеют в виду именно такой способ заимствования. Он фиксирует одно из частных совпадений приемов работы Аввакума и авторов новейшей литературы.

Более глубокие переключки текстов двух эпох связаны с тем, что современная литература — это литература вымысла, в то время как Средневековье его отрицало, ставя перед собой прагматичные задачи. При этом вымысел в текстах Нового времени не отменяет реальность, но формирует своего рода *условную реальность*, означающую возможность события, но не его действительное осуществление. В Средневековье подлинными признавались те события, в которые читатель Нового времени вряд ли поверил бы. Это касается прежде всего сферы чудесного. Если средневековый человек отказывался в реальности тому, чего *не было*, то современный — тому, чего, в его представлении, *не могло быть*. Реальность средневековая абсолютна, потому что это — бывшее, реальность же Нового времени условна, поскольку лежит в сфере возможного. На определенном этапе литературе неожиданным образом захотелось оперировать *реальностью безусловной*. В последние десятилетия наблюдается расцвет так называемой литературы *non fiction*, демонстрирующей радикальный поворот к реальности. В этих условиях Житие протопопа Аввакума становится одним из важнейших образцов того, как надо писать.

После утреннего заседания состоялось открытие выставочного проекта, выполненного в рамках конференции и представленного тремя самостоятельными экспозициями, которые были развернуты в музейных залах Института. В предшествовавших открытию выступлениях В. В. Головина, Ю. В. Веретновой, С. А. Семячко, Г. В. Маркелова была подчеркнута научно-культурная значимость проекта и его оригинальность с точки зрения выставочных технологий.

Создатели первой экспозиции — «Протопоп Аввакум в Древлехранилище Пушкинского Дома» — выбрали для демонстрации из огромного корпуса старообрядческих рукописей, в том числе содержащих сочинения протопопа Аввакума, наиболее значимые книги. Особое внимание посетителей было приковано к знаменитому Пустозерскому сборнику Заволоко. Несомненный интерес представляли витрины, знакомившие с наиболее значимыми поступлениями в Древлехранилище за 2010–2020 годы. Данью памяти В. И. Малышеву, основателю Древлехранилища и человеку, главной темой научной деятельности которого было литературное наследие протопопа Аввакума, стала возможность увидеть личные вещи ученого, в том числе и те, что сопровождали его во время археологических экспедиций.

Запоминающимся событием проекта явились две фотовыставки. Автор одной из них — «Человек в храме: Из колена Аввакумова. XXI век» — потомственный старообрядец, иерей Русской православной церкви Алексей Лопатин. Созданная им галерея портретов

старообрядцев обнаружила непрерывную связь современности с давними временами, в которых жил и страдал за веру протопоп Аввакум. Тот же смыслообразующий стержень лежал в основе другой фотовыставки — «Старообрядцы-беспоповцы Нижегородской области». Ее герои — наши современники, уроженцы мест, которым кровно принадлежал Аввакум. Лев Зильбер, автор представленных здесь работ, создал их преимущественно во время своих археографических поездок в Нижегородские края в 1988–1998 годах.

Демонстрация фрагментов фильма «Раскол» стала ярким продолжением первого дня конференции. Режиссер, народный артист РФ Н. Н. Досталь, рассказал о процессе создания произведения, замысел которого он связывал с размышлениями о значении в отечественной истории Раскола русской православной церкви и в целом «бунташного» XVII века. На состоявшемся затем обсуждении фильма выступили В. И. Охотникова, С. А. Семячко, Е. М. Юхименко и др.

Непосредственным поводом к докладу Е. В. Беляковой (Москва) «Значение памятников канонического права для формирования старообрядческой традиции» послужило открытие неизвестного ранее эпизода из жизни Аввакума — приобретения им издания Кормчей. Ее покупка в начале августа 1653 года, по предположению исследовательницы, имела отношение к отразившемуся в Житии Аввакума факту — составленному им подборки выписок «о сложении перст и о поклонах» для подачи таковой государю. Эту деталь в тексте памятника Белякова связала с возникновением особого типа сборников — сборников выписок, актуализировавших каноническое наследие, а также отличавшихся точностью цитат и отсылок. Изучение печатной Кормчей позволило сделать ряд важных наблюдений о ее составе, в том числе о включении в нее текстов об исправлении книг и Сказания об учреждении патриаршества. Основываясь на теории «Москва — третий Рим», Сказание провозглашало идею величия московского патриаршества. Факт поставления московских патриархов греческими был важен для старообрядческой традиции. В отличие от рукописных, в печатную Кормчую не вошли постановления русской церкви, что, с одной стороны, придавало изданию общий для всего славянского мира характер, а с другой — открывало возможность их отмены. Памятники канонического права во многом сформировали ментальность старообрядцев, и методика использования их в старообрядческой книжной традиции заслуживает особого изучения.

В докладе «„...Рука правая лежит на персех согбенна, яко благословящая“ (Почитание благоверной княгини Анны Кашинской в контексте борьбы официальной церкви со старообрядцами)» С. А. Семячко (Санкт-Петербург) рассмотрела процесс формирования представлений о благословляющей деснице княгини инокини. В результате сравнения дореформенных и пореформенных текстов, сохранивших свидетельства о мощах княгини Анны, исследо-

вательница пришла к выводу, что легенда о благословляющей деснице княгини сложилась в устной среде. Легенда подпитывалась неприятием церковных реформ и связанным с ним желанием обрести небесного заступника. В качестве параллели Семячко привела рассказы о благословляющей деснице Евфимия Архангелогородского во гробе, гипотетически возводя их к иконе преподобного, на которой тот изображен с демонстративно воздетой правой рукой с двуперстием. По мнению исследовательницы, в обоих случаях приверженцы старой веры стремились найти себе опору, ссылаясь на авторитет святых. Само их явление прямо перед церковной реформой могло при определенных условиях расцениваться как предостережение по отношению к реформаторам и как знак поддержки свыше сторонникам старой веры. Впрочем, тексты, дошедшие до нас от дореформенного времени, показывают, что изначально оснований для такого восприятия не было, поскольку легенды о благословляющей деснице сформировались в устном обиходе на раннем этапе сопротивления церковной реформе.

В докладе Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Стихира протопопу Аввакуму в расше двинского наставника Д. Д. Михайлова» были изложены обстоятельства поступления в Древлехрамилеице Пушкинского Дома неизвестного ранее произведения гимнографии (Латгальское собр. № 39). Исследовательница основывалась на письмах, полученных В. И. Малышевым в 1964–1965 годах от прибалтийских староверов; с ними ученый вел многолетнюю переписку в надежде отыскать все, что связано с памятью протопопа Аввакума.

Даниил Давыдович Михайлов — уставщик и просветитель, наставник 1-й Даугавпилской (на Новом строении) старообрядческой общины, сподвижник И. Н. Заволоко, ярчайший представитель прибалтийского староверия XX века, выдающийся певец, знаток древнего знаменного пения и писец крюковых книг. Свою музыкальную «композицию» Михайлов создал на текст стихир-славника на стиховне 6-го гласа из службы еп. Павлу Коломенскому, в которой заменил лишь имя, поскольку все дефиниции, прославляющие подвиги исповедника и защитника православия, страдальца, подвергшегося огнепальной смерти, полностью соотносились с образом протопопа Аввакума. Распев стихир оригинален, однако согласно древнерусской традиции опирается на определенные жанровые прототипы. В докладе стихира была рассмотрена в контексте гимнографического творчества старообрядцев XVIII–XX веков с привлечением малоизвестного лицевого списка службы еп. Павлу Коломенскому из собрания М. И. Чуванова (БАН. Колл. М. И. Чуванова. № 117). В заключение доклада стихира прозвучала в исполнении Даниила Григорьева, голубщика Хора Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции.

С благодарностью присутствовавшие восприняли выступление хора Лиговской старообрядческой общины Санкт-Петербурга (регент хора Дионисий Синельников), которое за-

вершило первый день конференции. Были исполнены песнопения празднику Воздвижения, подобен «Прехвальнии мученицы», стихера «Аще и ят бысть Христе», кондак святой Троице и в заключение — духовный стих об Аввакуме «В Даурии дикой пустынной».

Второй день конференции начался с доклада А. М. Ранчина (Москва) «К вопросу о поэтике времени в Житии протопопа Аввакума», посвященного семантико-композиционной роли форм *praesens historicum*. Если простые претериты (аорист и имперфект) и совершенные формы в памятниках, вышедших из-под пера поборника «древлего благочестия», оказывались неоднократно предметом внимания исследователей, то текстовые функции настоящего исторического в его Житии в этом аспекте до сих пор не рассматривались.

Praesens historicum фиксирует особое использование грамматических форм настоящего времени: глаголы в этом значении употребляются в «нарративном режиме» (Е. В. Падучева) — в отличие от речевого режима, действующего в ситуации, когда событие и рассказ о нем синхронны. Композиционная функция *praesens historicum* обозначает кульминацию и/или развязку в сюжетах ряда эпизодов Жития протопопа Аввакума (например, о преследовании протопопа прихожанами, светскими и церковными властями). Если до Епифания Соловецкого и Аввакума употребление *praesens historicum* в древнерусской книжности было мотивировано объективной весомостью обозначаемого им состояния или события, то у создателей обоих автобиографических житий само использование настоящего исторического стало средством наделения значимостью соответствующего действия или ситуации. Оба автора предпочитали использовать формы настоящего исторического с процессной семантикой, в чем проявляется связь с письменной не книжной традицией и с устным нарративом. Аввакум часто стремился к актуализации процессного смысла глаголов, как бы «растягивая» действие или наделение однократное событие потенциальной повторяемостью. При этом в формах *praesens historicum* оказывалось возможным писать о самых разных действующих лицах: в отличие от Епифания, акцентировавшего с помощью глаголов в настоящем историческом только действия сверхъестественных сил и собственные переживания и ощущения, Аввакум не отличался эгоцентричностью. Подобно тому как в Житии сакральное начало определяется присутствием автора-повествователя в жизненном пространстве и в пространстве текста, так и употребление *praesens historicum* мотивировано точкой зрения нарратора, решающего, что именно должно быть изъято из потока времени.

Аввакум не отказывался от конвенций, принятых в церковной книжности, и во многом ориентировался на форму устного нарратива, но делал их соблюдение или нарушение предметом свободного выбора. Используя формы настоящего исторического как маркер, выделяющий особенно значимую информацию, Аввакум, по-видимому, учитывал употребление та-

ких форм в житиях; обозначая с их помощью являющиеся процессы и действия и создавая зримые сцены, он ориентировался на не книжную письменность и на устный нарратив, в том числе, видимо, на Житие и рассказы старца Епифания. Аввакум творил в рамках традиции и одновременно взрывал ее изнутри. Разнообразное употребление *praesens historicum* — одно из проявлений аввакумовского новаторства.

В. П. Бударрагин (Санкт-Петербург) в докладе «Рисунки протопопа Аввакума в Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко» обратился к вопросу о древнерусских истоках изобразительной традиции в наследии писателей Нового времени. Гипотеза о возможности существования рисунков протопопа Аввакума была высказана В. И. Малышевым в 1965 году. Вскоре предположение ученого стало фактом благодаря обретению автографа сочинений протопопа Аввакума и инока Епифания, известного с тех пор как Пустозерский сборник Заволоко. Как в помещенных в него писаниях, так и в рисунке проявилось своего рода творческое соавторство Аввакума и Епифания: в рисунке Епифаний выполнил охрой контур круга и вписал в него по центру слово «Бог», тем самым как бы благословив Аввакума на изобразительную интерпретацию переписанного рядом поучения аввы Дорофея о любви. В подобном воплощении это общехристианское поучение преобразовалось в жанр обличительно-сатирический и стало подтверждением заочно предьявлявшихся Аввакуму обвинений в том, что он рисовал «высоких духовных лиц с хульными надписаниями». Действительно, на рисунке самого Аввакума (за пределами начертанного Епифанием круга) имеются весьма недвусмысленные характеристики обличительного свойства. Являясь своего рода изобразительным толкованием поучения аввы Дорофея, они неотделимы от проповеднической деятельности Аввакума, вынужденно реализуемой в пустозерской ссылке письменным словом и начертанным образом. По предположению докладчика, пять неназванных фигур внутри символизирующего мироздание круга являются собой условное изображение «пятиречицы» пустозерских узников. Оно отличается от изображения отступников от истинной веры не только наличием нимба, но и штрихами под складками рта справа и слева, придающими лицам святых оттенок строгости и скорби. В фрагменте Пятой беседы «Книги бесед» Аввакума, где Аввакум бранит современных изографов, ставя им в пример «добрых» изографов былых времен, исследователь обнаружил возможный комментарий к характерным особенностям рисунка в Пустозерском сборнике.

Доклад японского ученого Т. Аояма (Япония) «О правке авторского текста Жития протопопа Аввакума в Пустозерском сборнике из собрания В. Г. Дружинина» был посвящен изучению корректорской правки в автографе «Жития», хранящемся в Библиотеке Академии наук (Собр. В. Г. Дружинина. № 746 (790)). Филигранный палеографический анализ всех почерков сборника позволил установить, что основную корректорскую правку текста Жития

выполнил переписчик первой части рукописи — анонимный сотрудник Аввакума, находившийся в Пустозерске на свободе. Предшествующие исследователи (А. Н. Робинсон и Н. С. Демкова) полагали, что вся правка была выполнена другим узником Пустозерской тюрьмы — словецким иноком Епифанием. Однако Т. Аояма удалось установить, что рукой Епифания в тексте Жития было добавлено всего несколько слов, а в целом корректорскую правку осуществил упомянутый выше неизвестный переписчик. Таким образом, японскому исследователю удалось существенно уточнить обстоятельства создания Жития и расширить круг сотрудников и помощников Аввакума.

Е. М. Юхименко (Москва) в докладе «Даритель Пустозерского сборника Иван Никифорович Заволоко» сосредоточилась на тех аспектах биографии известного собирателя и деятеля староверия Ивана Никифоровича Заволоко (1897–1984), которые существенно повлияли на его решение передать на государственное хранение оказавшуюся в его руках бесценную реликвию староверия — Пустозерский сборник с автографами протопопа Аввакума и инока Епифания. Учеба в Карловом университете в Праге, участие в работе Семинария им. Н. П. Кондакова, тесные связи с учеными в 1920–1960-х годах (и позднее), постоянное общение с В. И. Малышевым, убеждение в объективности научного знания и его пользе для сторонников старой веры обусловили передачу Пустозерского сборника в дар Пушкинскому Дому в 1968 году. С тех пор по сложившейся традиции автограф сочинений протопопа Аввакума и инока Епифания называется Пустозерским сборником Заволоко. Обращение докладчицы к переписке И. Н. Заволоко с М. И. Чувановым, председателем московской Преображенской общины, библиофилом и собирателем, позволило осветить неизвестные ранее подробности, касающиеся изучения сборника самим И. Н. Заволоко, подготовки к его докладу в Пушкинском Доме (состоялся 20 марта 1968 года) и истории факсимильной публикации рукописи.

В докладе «Почерк протопопа Аввакума» А. С. Лавров (Франция) обобщил сведения по заявленной теме, основываясь на ряде исследований, в том числе Я. Л. Барскова, В. Г. Дружинина, А. Н. Копылова, И. М. Кудрявцева, В. И. Малышева, А. Н. Робинсона. При этом в центре особого внимания оказалась работа Г. Шайдеггер «Endzeit: Russland am Ende des 17 Jahrhunderts» (Bern, 1999). Выделив круг бесспорных автографов Аввакума, швейцарская исследовательница впервые задалась вопросом о последствиях невиданной по своей жестокости пустозерской «казни» 1670 года, утверждая, что после нее узники земляной тюрьмы лишились возможности заниматься литературным трудом, а значит, атрибуция всех их произведений, датируемых периодом после 1670 года, должна быть пересмотрена. Докладчик полностью принял вывод Шайдеггера о том, что скорописный почерк является основой для выделения «первого круга» произведений Аввакума. Образцы этого почерка могут послужить материалом для

отождествления фрагментов документов и статей в рукописных сборниках, которые до сих пор не атрибутированы Аввакуму.

По мнению Лаврова, ошибка Шайдеггера состоит в игнорировании того факта, что многие писатели XVII века владели одновременно скорописью и полууставом, причем начертания в этих двух почерках могли быть непохожими друг на друга. Между тем изучение последних произведений Аввакума должно исходить из того, что он испытал влияние своих союзников, по крайней мере один из которых отличался каллиграфическим мастерством, что и привело к появлению у него характерного полууставного почерка. В этой ситуации легко читаемый и снабженный диакритикой полуустав, которым написаны автографы Епифания и Аввакума, должен был стать своего рода визитной карточкой пустозерских узников, сделать их писания удобными для копирования. Исследователь высказал некоторые догадки в отношении почерка инока Епифания. Он представляется устойчивым, не претерпевшим значительных изменений после «казни» 1670 года, что может поставить под сомнение традиционное описание этой «казни» в старообрядческих источниках.

В. В. Калугин (Москва) в докладе «„Ищу человека“ (Ветхозаветные пророки в творчестве протопопа Аввакума)» обратился к теме библейских пророков и пророческого служения в творчестве Аввакума. Храня в памяти множество библейских текстов, он широко использовал Книги пророков, цитировал и комментировал их. Ученый подчеркнул важность изучения источников библейских цитат, что позволило бы глубже понять авторские приемы протопопа и дать правильный комментарий к его сочинениям. Для Аввакума как потомственного священника было естественным часто приводить библейские выдержки в богослужебной, а не в четвй редакции. При этом он свободно обращался с ними: не всегда дословно цитировал, иногда допускал неточности в деталях. Исследователь обратил внимание на использование Аввакумом устных рассказов и апокрифов. Так, в «Книге бесед» он, обличая упадок нравов, привел в качестве нравоучительного примера притчу о пророке Иеремии, ходившем по Иерусалиму среди бела дня «з горячею свещею» в поисках настоящего человека. В этом случае очевидна контаминация двух источников: библейского (Иер. 5: 1; Соф. 1: 12) и античного рассказа о философе-кинике Диогене.

Некоторые комментаторы полагают, что автором притчи об Иеремии был Аввакум. Докладчик установил, что Аввакум лишь воспользовался готовым сюжетом, существовавшим на Востоке за много столетий до Аввакума. Апокриф Паралипомена Иеремии, посвященный вавилонскому плену, известен в нескольких древних переводах. Его коптская версия — «Хроника пророка Иеремии» в переводе с греческого — сохранилась в отрывках VII века и содержит эпизод, совпадающий с рассказом Аввакума. Апокриф рано стал известен в Древней Руси. Однако докладчику не удалось обнаружить в списках памятника рассказ о поисках

Иеремией человека, и он предположил, что Аввакум мог знать какой-то другой, промежуточный, возможно, устный источник. Притча о пророке Иеремии — не единственный у Аввакума сюжет переводной литературы, непосредственный источник которого пока не установлен.

Доклад В. И. Охотниковой (Псков) «Протопоп Аввакум в современной литературе» был посвящен современному драматическим сочинениям об Аввакуме. За исключением трагедии «Патриарх Никон» В. Ф. Боцяновского (1923), драматических произведений об Аввакуме не было до конца 90-х годов XX века. С этого времени и особенно в первые десятилетия нынешнего столетия драматургии и театральные деятели признаются, что их необычайно привлекает личность «огнепального» протопопа. На основе его сочинений, в том числе Жития, были написаны пьесы В. Малагина «Аввакум» (1990; Москва), Н. Коняева «Протопоп Аввакум» (1998; Санкт-Петербург), А. Родионова «Аввакум» (2001; Пенза). Художественным событием стала только драма В. Малагина в постановке МХАТ им. М. Горького (1993). Аввакум в ней — фигура мощная и трагическая. Автор создал напряженную атмосферу, пронизанную накалом страстей и споров пустозерских сидельцев. В последнее десятилетие судьба и личность Аввакума стали темой проектов Елены Греминой, драматурга, руководителя независимого Театра Дос. В спектаклях «Краткая история русского инакомыслия» (2015) и «Безумное путешествие за святыми дарами» (2016) по текстам, написанным ею на основе Жития и посланий Аввакума к Евдокии Морозовой, она попыталась рассказать о сложнейшем периоде в русской истории. Аввакум в этих постановках — первый в истории русского инакомыслия, способный в одиночку противостоять власти, пожертвовать собой, защищая свою национальную историю и идентичность. К «Житию протопопа Аввакума» испытывают интерес и кинорежиссеры. Так, К. Серебренников признавался, что мысль поставить спектакль или снять фильм об Аввакуме давно «параноидально преследует» его. 25 апреля 2020 года состоялась прямая трансляция спектакля «Аввакум», созданного молодым, но уже известным режиссером Елизаветой Стишовой. Спектакль сделан в духе сегодняшних театральных новаций, когда в историю вторгается современность, а историческая драма Раскола разыгрывается с элементами скоморошья игры.

Доклад О. Алексея Лопатина (Москва) «Братство протопопа Аввакума» был посвящен старообрядческой организации, возникшей в Ленинграде в 1922 году по инициативе бывших учеников начальной школы при Чубыкинской богадельне: Г. Г. Лакомкина, Л. П. Кирпичева, А. П. Чунина, П. М. Харитонова, К. В. Космачева. Используя вновь найденные материалы, докладчик подробно остановился на одном из направлений деятельности Братства — работе Богословских курсов. Их открытие состоялось в 1925 году. Помещения курсам предоставила Громовская старообрядческая община, а содержались они за счет отчислений от приходов всех епархий России

и с помощью пожертвований. В течение 1925–1926 годов на курсах изучалось Священное Писание, патристика, история Церкви, основное, нравственное, догматическое, сравнительное, пастырское богословие, христианская апологетика, церковный устав, одиночное и хоровое пение, церковное проповедничество и «научение истинам веры». В апреле (по другим данным — в июне) 1927 года по независимым от Громовской общины причинам курсы были закрыты, а члены Совета курсов привлечены к судебной ответственности. Тем не менее учебный год был завершен полностью. 22 июня того же года Ленинградский губисполком отклонил ходатайство общины о дальнейшей работе курсов, а занимавшиеся ими помещения были переданы губернскому отделу коммунального хозяйства и использованы под жилье. Ходатайство членов Громовской общины об открытии новых курсов, поданное летом 1928 года, НКВД РСФСР отклонил. Несмотря на закрытие курсов, Братство имени протопопа Аввакума продолжило действовать, а епископ Геронтий способствовал созданию подобных братств в других епархиях. В начале января 1930 года Братство подало государственными властям заявление о самороспуске. В 1932 году ОГПУ начало следствие по делу уже не существовавшего Братства и по делу о Всероссийском союзе старообрядческих братств. Епископ Геронтий и ряд других участников Братства были осуждены на длительные сроки заключения. Массовые аресты прошли и в других местах, где действовали братства, созданные по типу ленинградского.

Н. В. Савельева (Санкт-Петербург) в докладе «Вопрос о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года» обратилась к одной из страниц внутрицерковной полемики предраскольного периода, запечатлевшей событие, которое, возможно, послужило непосредственным поводом к обсуждению вопроса о единогласии на Церковном Соборе 1649 года. Исследовательница сосредоточилась на издании Октоиха, который по благословению царя и патриарха был напечатан в Москве и вышел в свет 6 января того же года. Спустя немногим более месяца, 11 февраля, вопрос о единогласии был рассмотрен на Соборе. Принятое на нем решение не менять ничего в сложившейся церковной практике, допускающей многоголосие, не было подписано ревнителями благочестия и не получило одобрения царя.

Наблюдения над составом и текстами вводных статей Октоиха, изданного в 1649 году, позволили докладчице внести некоторую ясность в оценку реальных московских событий этого года. Так, перепечатанное в московском Октоихе предисловие из Львовского Октоиха 1639 года позволяет причислить эту книгу к ряду изданий, которые обнаруживают интерес московских кругов, приближенных к царю и связанных с Печатным двором, к юго-западнорусской книжности. Именно это обстоятельство может объяснить появление в Октоихе 1649 года двух статей, представляющих позицию царского духовника Стефана Вонифатьева и его

сторонников. Помещение в начало первой части компилятивной статьи «О цѣловании святых икон, и честнаго и животоворящаго креста, и святаго Евангелия, и мощей святых, и гробов» свидетельствует о стремлении издателей подтвердить истинность и историческую подлинность чина целования святынь, предостеречь читателя от искажений в исполнении этого обряда и тем самым от нарушения церковного благочиния. В начало второго тома была включена компилятивная статья «О церковном благочинном пѣнии и о единогласии вкратцѣ от Устава», представляющая позицию «ревнителей благочестия» и претендующая, как и предисловие о целовании икон, на некоторый законодательный статус. Вводные статьи Октоиха 1649 года обнаруживают как тематические, так и текстуальные параллели со всем кругом памятников, связанных с предраскольной полемикой о церковном благочинии, и требуют переосмысления и детального исследования литературной истории текстов этого круга.

А. В. Пигин (Санкт-Петербург) в докладе «Старообрядческая книжность Каргополя» обобщил знания о старообрядческой книжной культуре одного из северно-русских регионов и рассказал о вкладе, который внесли в развитие местной рукописной традиции все соглашения, составлявшие основу старообрядческого населения края: поморцы, филипповцы и странники. Памятники Чаженьгского скита, самого известного старообрядческого поселения на территории Каргополя, являются, по сути, частью богатейшей выговской книжности. Именно старообрядцы-поморцы были наиболее последовательны в развитии древнерусских литературных традиций края, создав свой цикл сочинений об Александре Ошевенском: два похвальных слова, «Чудо о некоем муже Евтропии» и молитву. Эти сочинения нередко переписывались как единый цикл вместе с Житием Александра Ошевенского, что позволяет говорить об особой — чаженьгской — разновидности монографических агносборников.

Особым жанром старообрядческой письменности являются просительные и благодарственные письма, представляющие интерес как с литературной, так и с исторической точки зрения. Среди них известны и каргопольские тексты, составленные насельниками Чаженьгского скита, Троицкой Юрьегорской, Каркозерской и Поромской пустыней.

Докладчик охарактеризовал богатую, но наименее изученную книжную традицию странников и представителей филипповского старообрядческого согласия, указав на особое место, которое занимает среди каргопольских страннических книжников XIX–XX веков Максим Иванович Залесский (1894–1975), автор ряда сочинений об истории каргопольских странников, Выговской пустыни, города Каргополя и др. В среде филипповского старообрядческого согласия были созданы многие рукописи второй половины XVIII — первой половины XIX века. Именно с филипповским согласием связан заключительный этап в истории старообрядческой книжности Каргополя. В начале 1990-х годов

с целью сохранения истории и традиций христианской старопоморской общины в Каргополь переехали последние представители московских филипповцев, благодаря которым здесь оказалось книжное собрание московского филипповского Братского двора, насчитывавшее несколько десятков печатных и рукописных книг.

По мнению Пигина, в число первостепенных задач, стоящих перед исследователями в изучении старообрядческой книжности Каргополя, входит реконструкция круга рукописей, рассеянных по разным, в том числе и внеэрихториальным хранилищам; изучение региональных особенностей в их оформлении и установление созданных здесь литературных (в широком смысле) старообрядческих произведений.

Доклад М. С. Бывшева и Ю. С. Белянкина (Москва) «Москвичи братья Леоненко — собиратели и продолжатели древнерусской книжной традиции» был посвящен книжно-рукописной коллекции старообрядцев-поповцев, каллиграфов и книжных реставраторов братьев Владимира Григорьевича и Игоря Григорьевича Леоненко. За пределами государственных хранилищ она является одной из важнейших в ряду известных научной аудитории. Исследователи отметили многоликость состава коллекции, которая определялась широтой интересов братьев, характерной для образованных старообрядческих книжников. Будучи не только собирателями, но и «соавторами» древних кодексов, они новаторски «дорабатывали» старинные рукописные книги из своего собрания, добавляя в них миниатюры и орнаменты, дописывая недостающие тексты. Убедительным примером в этом отношении служит изящная миниатюра с изображением Иосифа Волоцкого, изготовленная и вплетенная Леоненко в начало текста «Просветителя» в списке начала XVII века, а также сложная полихромная заставка, профессионально исполненная в стилистике эпохи. Наиболее выдающейся по своим художественным качествам в собрании является лицевая Псалтырь с толкованиями Афанасия Александрийского. Выдержанная в барочной стилистике, она содержит профессионально выполненную миниатюру с изображением царя Давида, а также множество заставок, инициалов и полевых украшений, напоминающих «старопечатный» стиль и декор ранних поморских рукописей.

Весьма заметный старопечатный раздел в собрании Леоненко включает как экземпляры московской печати XVII века, так и западнорусские и московские палеотипы последней четверти XVI века. Среди них Острожская Библия, Львовский Апостол (1594), Острожская Книга о постничестве (1594), Псалтырь Александровской слободы (1577), издания Андроника Тимофеева Невежи, типографии Мамоничей и др. После кончины братьев Леоненко в 2010-х годах ядро их коллекции вошло в собрание известного московского собирателя предметов древнерусской книжной и традиционной культуры Бывшева. По окончании доклада Бывшев преподнес в дар Древলেখранилищу им. В. И. Мальшева рукописный сборник житий русских святых.

М. А. Максимов (Санкт-Петербург) в докладе о сибирских рукописях на бересте в своем собрании отметил, что несмотря на более чем тысячелетнюю традицию применения коры деревьев в качестве писчего материала, составить представление о том, как выглядели чернильные рукописи на бересте, можно лишь по сохранившимся довольно поздним памятникам, созданным преимущественно в старообрядческой среде. Среди них 6 рукописей на бересте XVIII века, хранящихся в РНБ, ГИМ и Архангельском краеведческом музее. Самый большой корпус берестяных манускриптов, датированных первой половиной XX века, насчитывает 101 единицу хранения и входит в так называемую «Замочную» коллекцию, принадлежавшую старообрядческой общине часовенного согласия, проживавшей на севере Томской области. Ныне коллекция размещается в четырех сибирских архивах: Научной библиотеке и Институте биологии Томского университета, Томском областном краеведческом музее и Институте истории СО РАН (Новосибирск). Из этой же общины происходят 24 рукописи, ныне находящиеся в собрании докладчика. Оно также включает 15 берестяных рукописей, из которых 11 — полноценные кодексы. Они представляют собой сшитые вручную берестяные тетради, с текстом, написанным пером, преимущественно растительными чернилами собственного производства (свекольными, ягодными, травяными). Содержание рукописей, вполне традиционное для старообрядцев, включает в том числе Житие Илариона Великого, Страдание святой мученицы Кикилии и с нею пострадавших святых мучеников Валериана, Тивуртия и Максима; Страдание мученицы Василисы Никомидийской; Поучение в 1-ю неделю Святого поста иже во святых отца нашего Леонтия папы римского о святых иконах и иконоборцах; Толкования Иоанна Златоуста на Псалтырь; Поучение на память святого великомученика Георгия. Некоторые записки на бересте в коллекции Максимова содержат рисунки с многочисленными изображениями птиц и подсчет снесенных ими яиц.

Третий день заседаний открыл доклад Ю. В. Веретновой (Санкт-Петербург) «„Аше кто сию картинку буде имети у себе в доме, того ради прошу и умоляю: Господа ради, зделай рамку...“: К вопросу об авторстве старообрядческого лубка и мастерах-старообрядцах». В центре внимания исследовательницы оказалась одна из актуальных тем в изучении культурных «текстов», созданных старообрядцами. Рукописный лубок, появление которого было связано с отсутствием у старообрядцев технических средств, изначально развивался как подражание печатным образцам, опираясь на традиции религиозного гравированного лубка, разрабатывая его темы, сюжеты и иконографию в стилистике древнерусской иконы, книжной миниатюры и народных росписей. Докладчица выделила два тематических вида рисованного лубка: религиозно-дидактический общеправославный (например, «Аптека духовная» и «О двенадцати добродетелях») и религиозно-полюемический сугубо старообрядческой на-

правленности (например, «Вид великороссийской церкви», «Сон старца Симеона»). Решая просветительские, мемориальные и эстетические задачи, оба эти вида служили старообрядческим мастерам художественной формой сохранения традиций вероисповедания. О высокой книжной основе рисованного лубка свидетельствуют его источники: агиографические памятники, сочинения философов и богословов, в том числе Аристотеля, Плутарха и Иоанна Златоуста; древнерусские сборники (например, «Хронограф», «Цветник», «Лекарство душевное»), а также светские литературные произведения дидактического содержания. «Книжный» характер рисованного лубка проявляется в подчиненном положении изобразительной части по отношению к тексту: именно он, впадаясь в композицию лубка, задает ритм всему произведению. Веретнова заострила внимание на живописных особенностях лубков. Черный контурный рисунок на них выполнен тушью и иллюминирован прозрачной темперой или акварелью (иногда с добавлением белил и золота); многие листы дублированы на ткань или плотную бумагу.

Исследовательница выделила такие школы рисованного лубка, как выговская, подражающая выговской и вологодская, а также подробно остановилась на характеристике рисованного настенного листа «Архангельское здравление Пречистой Богородице».

Доклад Г. В. Маркелова (Санкт-Петербург) «Лицевой сборник А. А. Великанова с сочинениями протопопа Аввакума из Дрелехранилища Пушкинского Дома» был посвящен творчеству ярославского иконописца Александра Андреевича Великанова (1870–1953). Скучные сведения о его жизни, а также его единственная подписная (но не датированная) работа, выполненная предположительно в традиции мстерских иконописцев и представляющая собой живописную реплику на лубок по народной песне «Не брани меня, родная», навели докладчика на мысль, что художник мог обучаться ремеслу в иконописной артели в Мстере. Великанов создал единственный список сочинений Аввакума с иллюстрациями. Поскольку целый ряд замыслов иконописцу не удалось воплотить полностью, завершенная рукопись из фондов Дрелехранилища (Оп. 24. № 16) с миниатюрами к Житию протопопа Аввакума обладает высокой художественной и исторической ценностью. В текстовой части она является копией сборника 60-х годов XVIII века из Ярославского музея-заповедника № 121 (15367), в котором, однако, отсутствуют миниатюры и декор. Датировка великановской рукописи по водяным знакам невозможна: для ее создания автор использовал старую архивную бумагу, изготовленную в диапазоне от последней трети XVIII до середины XIX столетия. Характеризуя художественные особенности рукописи, докладчик назвал некоторые вероятные источники, послужившие Великанову-художнику в работе над нею. Среди них Сийский иконописный подлинник, изданный Н. Н. Покровским в 1897 году; альбомы В. И. Бутовского (1870) и В. В. Стасова (1884–

1887), насыщенные факсимильными образцами русской книжной орнаментики XII–XVI веков; старообрядческий журнал «Изборник народной газеты» (1906), где впервые было воспроизведено старейшее изображение Аввакума на иконе начала XVIII века из Хлудовского собрания ГИМ. В создании образа Аввакума А. А. Великанов также использовал иконографию Строгановского (или иного близкого к нему по графике) лицевого иконописного подлинника, изданного в 1869 году.

В образе Аввакума, представленном в рукописи, видна попытка автора адекватно изобразить священномученика и эпизоды его жития в окружении впечатляющих текстов знаменитого писателя XVII века. При этом, по мнению докладчика, у Великанова не было намерения вести читателя в заблуждение стилизацией под древнерусскую иконографию: слишком заметен авторский стиль, приемы и содержание миниатюр, не похожих на старинные оригиналы. Поэтому пренебрежительный эпитет «подстаринщика», данный некоторыми исследователями, не представляется справедливым. Ярославский иконописец А. А. Великанов стоит в том же ряду талантливых русских мастеров, что и И. Г. Блинов, Г. Е. Фролов, П. М. Софронов, Я. А. Богатенко, В. П. Гурьянов и многие другие художники, создавшие особую старообрядческую отрасль в российском мире искусства.

Об этапах деятельности Культурно-памятного центра имени протопopa Аввакума, связанной с 400-летием священномученика и исповедника, рассказал председатель правления центра М. Б. Пашинин (Москва). Идея празднования начала обсуждаться в 2016 году и два года спустя на Всемирном старообрядческом форуме была подхвачена всеми староверскими согласиями. Вскоре на съезде староверов-поморцев был одобрен эскиз бронзового памятного знака на территории Нарьян-Марской старообрядческой общины, выполненный архангельским художником и скульптором С. Н. Сюхиным. Инициатива установки знака, а также предложение о проведении Международной исторической конференции в Нарьян-Маре и международного крестного хода в Пустозерск были всемерно поддержаны губернатором Ненецкого автономного округа А. В. Цибульским. В 2020 году Культурно-

просветительский центр приступил к разработке памятной медали с изображением протопopa Аввакума, приуроченной к Международному старообрядческому форуму. Художественной основой медали стал памятный знак работы С. Н. Сюхина.

Пандемия коронавируса помешала полному осуществлению намеченных к празднованию мероприятий. Тем не менее 5 сентября 2020 года на территории Нарьян-Марской поморской общины в присутствии главы Древлеправославной Поморской Церкви о. Виктора Шамарина, губернатора Ненецкого автономного округа Ю. В. Бездудного и других официальных лиц состоялось торжественное открытие памятника протопopу Аввакуму. Бронзовый барельеф с изображением Аввакума в полный рост с высокоподнятым двоеперстием, как символ проповеди старой веры, украсил не только музейный комплекс Нарьян-Марской поморской общины, но и город в целом. В тот же день в с. Тельвиска прошла конференция «Пустозерская проза протопopa Аввакума — мировое духовное и культурное наследие». 6 сентября в Пустозерске свершилось важное для всех староверов духовное событие — крестный ход.

Форум завершился подведением итогов. В выступлениях Н. В. Поньрко, о. Евгения Чунина, В. П. Бударagina, А. В. Вознесенского, И. А. Евсеевой, Г. В. Маркелова, О. В. Панченко, А. В. Пигина, С. А. Семячко была высказана благодарность фонду «История Отечества» за финансовую поддержку форума; подчеркнута научно-культурное и общественное значение этого события. Его высокий научный уровень дал возможность приблизиться к пониманию исторической и духовной сущности старообрядчества, не только открыв новые грани в творчестве протопopa Аввакума, но и поставив новые научные цели. В этой связи была подчеркнута очевидная и давно назревшая потребность в академическом издании сочинений Аввакума.

После подведения итогов форума его участники совершили поездку в Комарово на могилу Д. С. Лихачева (30 сентября — день памяти ученого).

© *Е. Д. Конусова*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-276-279

XXIV НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

5 ноября 2020 года Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН провел XXIV научные Чтения. Программа была подчинена хронологическому принципу репрезентации архивных докумен-

тов Рукописного отдела и Литературного музея ИРЛИ, оказавшихся в поле исследовательских интересов участников конференции.

Чтения открылись выступлением О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «„Минуты роковые“: